Всадники Апокалипсиса в Восточной Европе?

Евгений Прейгерман

Резюме

Долгосрочные кризисы опасны тем, что практически неизбежно «нащупывают» в каждой стране самые болевые точки и оказывают на них усиленное давление. То есть, помимо непосредственных проявлений кризиса в какой-то области (экономической или, например, эпидемиологической), его следствием всегда или почти всегда становится кратное усиление ранее существовавших в этой стране проблем. Такой механизм перетекания может очень быстро приводить к общественному перенапряжению и внутриполитическим конфликтам.

Опубликовано в Global Brief

Примерно это мы сейчас можем наблюдать во многих странах мира, в том числе в регионе Центральной и Восточной Европы. В последние недели разного рода и масштаба протесты, столкновения или всплески политической конфронтации случились в Беларуси, Сербии, Молдове, Польше, России, Украине. И в каждом случае у этих событий свои причины и триггеры, которые формально могут и не иметь прямой связи с кризисными процессами в экономике или в системах госуправления под прессом пандемии.

> По мере разрастания кризисов возникновение серьезных конфликтных ситуаций внутри самых различных государств (и вокруг каких-то специфических проблем этих государств) закономерно.

Повторюсь: кризисы всегда бьют по самым болевым точкам и приводят даже внешне устойчивые и эффективные системы в движение. Поэтому едва ли стоит удивляться происходящему. Однако скорость, с которой кризисные импульсы стали приводить к конфликтным выплескам протестной энергии в центрально- и восточноевропейских странах, все же обращает на себя внимание и даже пугает.

Как минимум, по четырем причинам.

Во-первых, потому что мы, судя по всему, еще далеки от победы над коронавирусом. Сложно прогнозировать, как долго продлится пандемия и как именно себя будут вести COVID-19 и его мутирующие формы после сертификации вакцины. Непонятно, когда эта вакцина может стать общедоступной и по какой цене. И насколько жизнь с новым коронавирусом будет отличаться от, например, жизни с давно привычными типами гриппа.

Но вряд ли ответы на эти вопросы мы получим в ближайшие недели. А это означает, что даже с учетом постепенной адаптации к таким чрезвычайным условиям давление пандемии на различные сферы публичной и частной жизни сохранится еще на неопределенное время. А вместе с ним сохранится и эмоционально-психологическое перенапряжение в обществах.

Во-вторых, за пандемией шагает глобальный экономический кризис. Прогнозы экономистов по поводу его масштабов уже давно содержат самые темные краски, а развитие событий лишь продолжает эти краски сгущать. И чем дальше, тем сложнее мировой экономике будет выйти из кризисного состояния. Тем более драматичными будут социально-политические последствия.

В-третьих, эти кризисы накладываются на начавшийся несколько лет назад процесс трансформации системы международных отношений. И на «высочайшую геостратегическую напряженность», как еще в январе эту ситуацию охарактеризовал Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш. Он даже назвал ее «одним из всадников Апокалипсиса».

Само по себе преобразование системы международных отношений может происходить по-разному: все зависит от конкретных условий. Иногда этот процесс проходит без масштабных потрясений. Как, например, после окончания Холодной войны, когда биполярная система преобразовалась в однополярную. Хотя и тогда и в Европе, и в других частях мира вспыхнули войны, которые привели к ужасным трагедиям. Но они не разрослись географически и не помешали ключевым державам достаточно быстро договориться о новой системе безопасности. Европа, где возникла успешная модель кооперационной безопасности, была тогда впереди планеты всей.

А сегодня Европа остается на глобальной периферии, так как эпицентр ключевого геополитического противостояния – между США и Китаем – по понятным причинам находится в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И для Старого Света это плохие новости. Потому что периферийное внимание к европейским проблемам

неизбежно ведет к разбалансировке работавшей там системы безопасности, что мы и наблюдаем уже не первый год. Разворачивающаяся в эти дни драма внутри и вокруг ОБСЕ – лишь самое свежее тому подтверждение.

> В таких условиях абсолютно любой локальный (в том числе внутренний) конфликт в Европе может потенциально стать «спичкой», которая подожжет большую часть континента.

Или, если не подожжет в прямом смысле слова, то превратит европейскую политику в бесконечный хаос, выход из которого, вероятно, будет найдет только в результате очередного трагического шока с многочисленными человеческими жертвами. А Восточная Европа, как это и было всегда в истории, является в этом смысле одновременно самой уязвимой и самой «заразной» частью Европы.

В-четвертых, и это, пожалуй, самое главное, все более очевиден и распространен кризис элит. Во многом это объективный результат очередной исторической волны популяризации политики из-за перехода большой части общественной жизни в онлайн. Как когда-то политику (а с ней и элиты) сильно изменило всеобщее избирательное право, так сейчас ее изменяет всеобщая виртуализация. Элиты, как и другие традиционные общественно-политические институты, не могут одномоментно адаптироваться к этим изменениям. И поэтому объективно упускают контроль над ними. С точки зрения идеалов демократизации, это может даже казаться признаком прогресса. Но с точки зрения безопасности, это огромная недооцененная проблема.

К тому же, в каждой конкретной стране Восточной и Центральной Европы кризис элит имеет дополнительную специфику. Например, в Польше или Венгрии он отражает конфликт национальной и европейской идентичности. А в Беларуси, как хорошо видно сегодня, за три десятилетия независимости вообще не возникло полноценной национальной элиты. По крайней мере, если под элитой понимать часть общества, которая способна соотнести интересы своей социальной группы с интересами других макрогрупп, а также объективными национальными интересами государства, и взять на себя ответственность за развитие страны в соответствии с общим знаменателем этих интересов.

Эти четыре фоновых условия, в которых в регионе так быстро стали возникать внутриполитические конфликты, и пугают.

> Самое скверное, что при таких вводных едва ли можно найти чудодейственный рецепт для хотя бы исключения очевидных рисков. Поэтому, помимо точечных решений по де-эскалации напряженности в каждой конкретной конфликтной ситуации, остается лишь надеяться на историческую удачу.

Что как-то повезет. И что четыре описанных фактора не станут теми самыми библейскими всадниками Апокалипсиса...

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»